

С глубочайшим уважением к Шарlotte Бронте
и Джейн Остин, светлой памяти Дэвида Боуи.

Спасибо Кире Фроловой, Юле Яковлевой,
Ане Петелиной, Вячеславу Бакулину и всем,
кто любит «Ветер» и другие мои истории.
Этой книги не было бы без вас.

*...От мысленного волка звероуловлен
буду...*

Иоанн Златоуст

Глава первая,

в которой мы знакомимся с корсаром

— Сегодня к нам на ужин пожалует мистер Фёрбиден, — как бы невзначай бросил отец, когда подали десерт. — Я счёл, что настала пора наконец познакомиться с новым соседом.

Матушка холодно изогнула бровь:

— Фрэнк, кажется, я уже высказывала тебе своё мнение на этот счёт.

— Дорогая, мы будем ничем не лучше его, если начнём пренебрегать правилами приличия.

— Нувориш в Хепберн-парке! Бедная леди Энн! Продать имение этому... этому...

— Матушка, это правда, что мистер Фёрбиден — корсар? — подала голос Бланш, прежде чем с бесконечным изяществом отправить в рот кусочек пудинга.

— Он контрабандист, душечка. Не путай. Контрабандисты, в отличие от корсаров, грабят честных людей на суше.

— Нэнси говорила, он привёз в Хепберн-парк сотню сундуков, полных золота и драгоценностей!

— Вполне возможно, что она недалеко от истины, — заметил отец.

— Не забивай голову рассказами Нэнси, душечка. Она что только не говорит. А даже если так, это не

изменит моего отношения к нему. Боги, мне страшно подумать, что такой человек осквернит наш дом своим присутствием!

— Ничего, — проворчал отец, — думаю, грядущий день и прибытие твоего дражайшего лорда Чейнза его очистят.

Матушка кинула на него испепеляющий взгляд — и папа, вздохнув, поправил салфетку на коленях, прежде чем покоситься на меня.

— Ребекка, — произнёс он ласково и немного встревоженно, — ты ни кусочка не съела.

— Я не голодна.

— Она нервничает, папенька, — прощепетала Бланш. — Ребекка, почему ты так нервничаешь? Джон тоже приезжает завтра, но это ведь не мешает мне спать по ночам!

— Бессонница? — Глаза отца сделались ещё более встревоженными. — Ребекка, что тебя беспокоит?

Я пожала плечами.

— Эти твои страшные сказки, — решил отец. — Сколько я тебе говорил: поменьше читай на ночь!

— Жизнь — самая страшная сказка из всех возможных.

— Что за глупости!

Я стиснула сложенные на коленях ладони в кулаки.

Идти до конца? Впрочем, какая уже разница.

— В сказках героини обычно живут долго и счастливо, — тихо проговорила я. — После свадьбы... по любви.

Тишина, повисшая в столовой, с тихим перезвоном всколыхнула хрустальные подвески люстры.

— Ребекка, — ровно произнесла матушка, — мне казалось, мы пришли к согласию по этому вопросу.

— Да. Согласие выбивали из меня долго и слёзно.

— Ребекка, Том — блестящая партия. Мы и мечтать не могли...

— Матушка, почему я должна расплачиваться за ваше тщеславие? — Сила собственного голоса поразила даже меня, но отступить было поздно. — Мы не бедствуем, и Бланш в надёжных руках. Разве титул стоит моей порушенной жизни?

Матушка аккуратно положила вилку и нож: с разных сторон тарелки, идеально симметрично.

— Я надеялась, мне не придётся этого говорить, но раз ты вынуждаешь... — Взгляд цвета озёрного льда устремился на моё лицо. — Ребекка, меня всегда приводили в отчаяние мысли, что мою старшую дочь боги жестоко обделили своими милостями. Внешность? Весьма на любителя, если быть откровенной. Вышивание или рисование? Помилуйте, эти руки только с виду тонки: это руки свинопаса, не благородной леди. Музицирование? Ни голоса, ни слуха. Танцы? При бесспорной грации движений — никакого желания. Добрый нрав? Упрямство норовистой кобылы — при столь остром уме, что впору порезаться. Да, ты говоришь на двух языках, не считая родного, и все вечера просиживаешь за книгами, но кому это нужно? А в довершение всего — никакого стремления исправлять свои недостатки.

— Маргарет...

— Фрэнк, дай мне высказаться. Да, Ребекка, все эти годы меня утешала лишь мысль, что всё недоданное тебе досталось Бланш. — Сестра на этих словах покраснела, как всегда, удивительно мило. — Однако это не отменяло горечи осознания, что моя старшая дочь, скорее всего, останется доживать свой век старой девой. И тут — не просто шанс, а...

— Бланш оправдала ваши надежды. Я счастлива, что моя сестра обретёт достойного, любящего и любимого

го супруга. — Только бы голос не дрогнул. — Но я так и не услышала ответа на свой вопрос.

— Это и был ответ. — Женщина, родившая меня на свет, надменно вскинула подбородок. — Боги подарили нам сказочный шанс, которого тебе больше не представится. И я не допущу, чтобы ты отвергла предложение Тома, до конца своих дней повиснув на нашей шее мёртвым грузом, вызывая насмешки над собой... и надо мной.

— Маргарет!

Грозный окрик отца я расслышала словно сквозь подушку: буря эмоций, поднявшаяся в душе, странным образом помутила мой слух.

— Ваша точка зрения мне ясна. — Я встала, опершись ладонью на стол. Почему она дрожит? От гнева? И неужели этот тонкий голосок принадлежит мне? — Благодарю, миссис Лочестер.

— Ребекка...

Но я уже выскочила из столовой, не желая слушать, и крики матери и отца летели в спину, пока я бежала к парадной двери: до неё было ближе.

Нет, не остановлюсь. Не дождутся.

По высоким каменным ступеням спустившись с террасы особняка, мимо яблоневого аллея, сыпавшей снег лепестков на садовые дорожки, я устремила на задний двор. Пробежав мимо крольчатника, вошла в конюшню. Ветер, переминавшийся в деннике, встретил меня тихим радостным ржанием. Погладив коня по мягкой морде, я обратилась к подоспевшему конюху:

— Оседлай его, Элиот.

Старик изумлённо оглядел меня с головы до пят.

— Но, мисс...

— Элиот, скорее. — Не объяснять же, что переодеться в амазонку времени нет. — Прощу.

Старик покряхтел, но покорно полез за седлом.

Когда мы с Ветром рысью выехали с заднего двора, матушка стояла на крыльце, высматривая меня в саду. Увидев вздорную дочь, она подобрала было юбку, дёрнулась вперёд, но, вспомнив о чувстве собственного достоинства, застыла на месте, скрестив руки на груди.

— Ребекка Лочестер, — отчеканила она, — я приказываю тебе...

— Я вам не служанка, матушка, — бросила я, прежде чем сорвать коня в галоп.

Лицо матери, искажившееся от изумления, на миг выделилось из круговерти размывшихся окрестностей. Потом его сменила яблоневая аллея, а её — гладь пруда; и когда копыта Ветра прозвенели по каменному коромыслу моста через реку, садовая зелень уступила место вересковым полям.

Бешеная скачка вернула ясность мыслям. В конце концов, что нового для себя я открыла? Что для матери я нелюбимый ребёнок? Это было ясно и так: за все восемнадцать лет своей жизни я не услышала от неё ни единого ласкового слова. «Душечка», «радость», «лилея моя» — всё это предназначалось Бланш, для меня оставалось лишь формальное «Ребекка».

То, что покатые плечи, льняные локоны вкупе с синей омутностью очей и многочисленные таланты нашей благородной матушки достались моей сестре, тоже откровением не являлось. Меня одарили угловатостью всех мест, которые могут быть угловатыми, неуправляемой копной каштановых волн и серой бесцветностью глаз; я когда-то смела считать их цвет подходящим на грозное небо, но матушка поспешила меня в этом разубедить. Каким-то невероятным образом все достойные и недостойные черты наших благородных родителей перемешались, и последние поспешили воплотиться во мне, тогда как первые заботливо подождали рождения

моей сестры. Да, я училась куда лучше Бланш, прекрасно разбираюсь в цифрах, а на коне сидела, по выражению отца, «будто родилась в седле», но... для матери эти таланты явно не являлись главенствующими.

То, что Бланш примет предложение Джона Лестера, я могла предположить задолго до этого счастливого события, свершившегося зимой. Пускай я не находила ровным счётом ничего привлекательного в этом елейном щёголе, но и предложение делали не мне. Конечно, матушку не радовало, что Бланш обручилась прежде старшей сестры, но отец не стал отказывать хорошему жениху лишь потому, что младшая дочь должна «ждать своей очереди». И завтра елейный щёголь прибудет сюда, в Грейфилд, на празднование дня рождения своей невесты; а по такому случаю лорд Дарнелл Чейнз, наш сосед, тоже решил удостоить наше скромное жилище своим присутствием. Вместе с Томом, его единственным сыном и моим дорогим другом.

Учитывая, что лорд Чейнз в последнее время вёл оживлённую переписку с моим отцом, даже слуги знали, что завтра Том попросит моей руки.

Я вынырнула из холодного течения собственных мыслей уже у самой кромки леса. Осадив Ветра, спрыгнула наземь. Уткнувшись лбом в буланую шкуру коня, зарыла пальцы в вороную гриву, постояв так недолго. Скулы, которые отхлестал встречный ветер, горели; шпильки, выбившиеся из причёски, тянули волосы. Я досадливо вытащила некоторые из них, а затем, подумав, избавилась от всех. Зашвырнула шпильки подальше, потрянула волосами, наконец свободными, — и села на мягкий вереск, обняв руками колени.

Некоторое время я смотрела на поля перед собой. Потом откинулась назад, прикрыв ладонью глаза, защищая их от колючего солнца, чтобы взглянуть в хрустальный

купол голубого неба надо мной. Растирая в пальцах вересковые цветы, позволила себе на минуту сомкнуть веки.

Том, Том... зачем я тебе? Кому из нас станет лучше от этого брака? Принесёт ли тебе счастье покорная, но нелюбящая жена?

И будет ли она покорной...

Когда я открыла глаза, то не сразу поняла, почему небо не голубое, а розовое.

Когда же поняла — вскочила и, судорожно отряхнув платье, окликнула Ветра, терпеливо пасущегося неподалёку.

Заснула! Да так, что уже смеркается! Неужели пропустила ужин? Дома, наверное, с ума сходят...

Мост, отделявший поле от сада, Ветер преодолел без единого звука: он летел так быстро, что копыта его едва касались земли, так, как умел он один. Я гнала коня с одной мыслью — успеть, пока градус родительского гнева не достиг точки кипения.

Но, как выяснилось, уже можно было не спешить.

Поручив Ветра заботам Элиота, поджидавшего у крыльца, я медленно поднялась наверх, на террасу: там ждали отец, с облегчением отиравший лицо платком, матушка, сжавшая губы в тончайшую линию, и некто в чёрных одеждах.

— А, вот и блудная дочь, — ледяным тоном проговорила матушка, когда я всё-таки преодолела каменные ступени.

Я ответила ей взглядом, в котором не было ни капли раскаяния.

— Знакомьтесь, мистер Форбиден, — вздохнул отец. — Наша старшая дочь, мисс Ребекка Лочестер.

— Мисс Лочестер, — повторил стоявший меж родителями незнакомец, прежде чем оглядеть меня с головы до ног.

Я знала, что́ он видит. Растрёпанную каштановую гриву, тонкие руки без перчаток, большеротое личико с пылающими скулами и платье в веточках вереска. Посмешище, пародию на благородную леди.

Но это зрелище отчего-то заставило его улыбнуться.

— Гэбриэл Форбиден, — наконец представился мужчина. — Безмерно рад знакомству.

Я молчала, на миг забыв о необходимости ответа.

Его одежды казались отрезом ночного мрака, опередившего время и просочившегося в закат. Новый владелец Хепберн-парка казался моложе моего отца, на вид я дала бы ему от тридцати пяти до сорока. Умирующее солнце окрашивало багрянцем его светлые, почти белые волосы, прихваченные чёрной лентой в низкий хвост. Черты гладко выбритого лица мужественно-изящны, тонкие губы улыбаются какой-то порочной улыбкой, в руке, облитой чёрной перчаткой, — конский хлыст... Но об ответе меня в первую очередь заставили забыть глаза «корсара». Правый, серебристо-голубой, с узкой чёрной точкой в центре, и левый — карий с зеленоватым отливом, с широким кругом по-кошачьи расширенного зрачка.

Глаза притягивали взор. И не только своей природной поразительностью, но и взглядом: он был уверенным — без гордыни, изучающим — без пытливости, ироничным — без пренебрежения, умным — без кричащего желания выказать собственные знания. Владелец такого взгляда явно знал себе цену, но предпочитал не проявлять свои таланты без особой на то надобности, крайне редко отпирая замки собственной души.

А ещё он был... опасным.

И несколько хищным.

— Очень рада, — всё-таки промолвила я, присев в реверансе.

— Должен сказать, ваши родители были столь обеспокоены вашим отсутствием, что даже не решились сесть за стол... хотя ваша сестра неоднократно и недвусмысленно намекала на то, что она голодна.

Голос его был спокойным, звучным и певучим. Он сказал не более того, что сказал, однако я откуда-то поняла: он, познакомившийся с обитателями Грейфилда всего пару часов назад, знает всё про матушкины приоритеты.

— Сожалею, что доставила вам столько неудобств, — обращаясь к нему одному, ответила я.

— Извинения — слишком зыбкая материя, чтобы принимать их в качестве платы за неудобства.

Эти слова заставили меня на миг оторопеть.

— Я... не люблю ходить в должниках, мистер Форбиден.

— Тогда в ваших интересах быть со мной повнимательнее. Возможность вернуть долг может представиться в любой момент, самый неожиданный для вас. — Новый знакомый согнулся в поклоне и, ловко перехватив мою руку, коснулся её сухими губами. — Что ж, не осмелюсь мешать воспитательному моменту, который, несомненно, сейчас последует. — Выпрямившись, он сощурил разноцветные глаза, устремив взгляд куда-то за моё плечо. — Но неужели помимо блудной дочери у вас есть блудный сын?

Я обернулась. Рассекая закатные лучи, каурый жеребец нёс к Грейфилду всадника — и эти тёмные кудри, плещущиеся по ветру, я узнала даже с такого расстояния.

Сегодня? Почему?..

— Том! — ахнула матушка.

Отец поспешно и капельку озадаченно поправил бакенбарды, и родители поспешили спуститься вниз.

Я последовала за ними, недоумевая, отчего друг решил нанести визит раньше срока, одновременно радуясь этому визиту — и досадуя при воспоминаниях о том, чем он должен завершиться.

— Томас! — улыбнулся отец, стоило всаднику спешиться. — Очень, очень рад.

Тепло улыбаясь в ответ, Том пожал протянутую ему руку; глаза его сияли бэльтайнской¹ зеленью.

Мы не виделись меньше месяца, но за это время, казалось, он успел повзростеть и больше не выглядел в свои двадцать сущим мальчишкой. А ещё капельку осунулся, впрочем, это его только красило.

— Мистер Лочестер! Прошу прощения за неожиданный визит, но я решил, что не слишком обременю вас этим сюрпризом. Не терпелось вас повидать... к тому же есть одно дело, которое мне хотелось бы уладить до приезда отца.

Моё сердце провалилось, словно на качелях, но Том уже повернулся в мою сторону.

— Ребекка! — Казалось, он не подошёл ко мне, а подлетел. — Боги, как ты похорошела!

Иногда мне жаль, что мы не фрэнчане. В их языке так легко отличить церемонное «*vous*»² от тёплого и простого «*tu*»³. Но интонация Тома заставила меня подозревать: если бы он обратился ко мне на фрэнчском, это было бы «*vous*» — церемонное до тошнотворности, — на которое он сбивается всё последнее время. С тех самых пор, как для него наша нежная детская дружба переросла в нечто большее.

Увы, только для него.

¹ Кельтский праздник, отмечаемый в ночь на первое мая.

² Вы (фр.).

³ Ты (фр.).

— Позволишь мне руку?..

— Том, ты всегда из Ландэна возвращаешься сам не свой, — устало ответила я, даже не думая жаловать ему ладонь для желанного им поцелуя. — К чему эти церемонии? Ты знаешь, как я не люблю подобное.

— Том ведёт себя как истинный джентльмен, — заулыбалась матушка. — Кому-то неплохо было бы взять с него пример и не забывать о хороших манерах.

— Полагаю, матушка, вести себя по-джентльменски мне будет трудно, — заметила я хладнокровно и зло. — Не могу сказать, что горю желанием погибнуть в цвете лет на дуэли, отстаивая чью-либо честь, а с характером... как вы изволили выразиться... «норовистой кобылы» избежать дуэлей будет нелегко.

В ответ меня смерили почти угрожающим взглядом, но в этот миг за моей спиной зазвенел незнакомый, приятный, хорошо поставленный смех: наш гость явно оценил шутку.

— А, знакомься, Том, — проговорил отец, усиленно пряча улыбку в уголках губ. — Мистер Гэбриэл Форбиден, новый владелец Хепберн-парка. Мистер Форбиден — лорд Томас Чейнз.

Рукопожатие было коротким и безмолвным. Том, словно следуя моему примеру, изумлённо вглядывался в глаза нового знакомого; ответный взгляд был с прищуром — ещё ироничнее прежнего.

— Значит, это вы купили поместье, — наконец проговорил Том. — Как там леди Хепберн?

— Полагаю, наша сделка поможет ей не только погасить долги почившего супруга, но и безбедно прожить остаток дней. Правда, при всех моих наилучших ей пожеланиях, боюсь, что остаток этот будет весьма немногочисленным. — Мистер Форбиден улыбнулся. — Ну-ну, не смотрите на меня так, милорд Томас. Я лишь

констатирую очевидный факт. И моё предложение касательно Хепберн-парка было более чем щедрым: мне нет нужды грабить бедных старушек.

— Я... не...

— Что ж, полагаю, теперь я точно здесь лишний, — заключил «корсар». — Позвольте откланяться.

— Уже? Оставайтесь на долгожданный ужин, мистер Форбиден!

— Не думайте, что я проявляю великодушие и не поймаю вас на слове, но как-нибудь в другой раз, мистер Лочестер.

Отец, добродушно вздохнув, подал знак Элиоту, ждавшему неподалёку, — и старик, уже позаботившийся о коне Тома, вновь зашаркал к конюшне.

— Не хочу утруждать вас своими проводами. — Мистер Форбиден небрежно махнул хлыстом в сторону дверей в дом. — Мисс Лочестер, должно быть, проголодалась побольше нашего.

Обитатели Грейфилда, охотно послушавшись, поспешили распрощаться с тревожным гостем. Подав руку матушке, Том повёл её наверх, отец последовал за ними, — но я не двинулась с места.

— Что, мисс Лочестер? — лениво поинтересовался мистер Форбиден.

— Полагаю, это не ваш дом, чтобы вы распорядились, когда и куда мне идти, — холодно заметила я, открыто глядя в его глаза.

— Безмерно рад вашей пронизательности, — серьёзно отозвался мужчина. — Однако, полагаю, на этот вечер вашей матушке хватит переживаний по поводу вашего непокорства. Пускай этот милый молодой человек и отвёл грозу от вашей очаровательной головки, но я бы на вашем месте поторопился.

— Ребекка? — будто услышав, требовательно спросила моя почтенная родительница.

Я вздохнула. Взглянула на здоровенного вороного жеребца, которого Элиот не без труда выводил из-за угла.

Отвернулась, чтобы бросить через плечо:

— До свидания, мистер Форбиден.

— До свидания, мисс Лочестер. Скорого, надеюсь. — В его голосе мне послышалась усмешка. — И не забывайте, что вы моя должница.

Мысок моей туфли на миг завис в воздухе, но я не обернулась.

Глава вторая,

*в которой Ребекка видит кошмары
во сне и наяву*

Ужин проходил в молчании на женской половине стола и в оживлённом разговоре — на мужской.

— И как тебе новый сосед, Том? — в один момент осведомился отец.

— Он ужасен! — выпалила Бланш. — В нём есть что-то... зловещее.

— А его конь? Вы видели его коня? — включилась в разговор матушка. — Чудовище для чудовища!

— Бросьте, дамы! Мне лично мистер Форбиден казался очень интересным собеседником. Хоть и несколько эксцентричным, конечно.

— Но нечто недоброе в нём всё-таки есть, — высказался Том. — И его глаза...

— Да-да! А ведь глаза — зеркало души, — не преминула вставить матушка.

— В таком случае я — образец серой бесхарактерной личности, зато в тихих омутах Бланш обязаны водиться келпи¹, — сказала я вполголоса, ни к кому особенно не обращаясь. — Но, видимо, им до того нравится купаться, что за все эти годы они так ни разу и не вынырнули.

¹ В шотландской мифологии — водяные духи, обитающие в реках и озёрах, по большей части враждебные людям.

Том рассмеялся, отец хмыкнул, Бланш лишь хлопнула ресницами, но взгляд матери окатил меня ледяной волной. Впрочем, тут отец завёл разговор о возможной дальнейшей судьбе леди Хепберн, матушка охотно в него включилась, и посему буря снова обошла меня стороной.

Когда перешли в гостиную пить чай, Том, решительно поглядев в глаза матушки, внезапно попросил её выйти «куда-нибудь в уединение». Та тут же поднялась с кресла — с притворным удивлением на лице, — чтобы молча повести дорогого гостя в библиотеку. Стоило им скрыться за закрытыми дверями, как в гостиной повисла тишина; отец с излишней беззаботностью набивал трубку, Бланш с лучезарной улыбкой смаковала свой чай.

— Можете не изображать неведение, — устало произнесла я, тщетно пытаюсь вернуть упавшее сердце на его законное место в груди. — Всё равно актёры из вас, честно говоря, никчёмные.

Отец виновато закашлялся.

Конечно, Том не просил у матери моей руки. Он уже испросил разрешения у отца, и другое ему было не нужно. Должно быть, сейчас он лишь желал получить совет, как лучше обставить своё предложение: дожидаться лорда Чейнза или высказаться сейчас; сделать это при всех — или же ему позволят остаться со мной наедине.

Зная матушку, я не сомневалась, что именно ему посоветуют.

Двери отворились, и отлучившиеся вернулись к нам: вначале мать, промокавшая сухие глаза кружевным платком, а за ней Том, направившийся прямо к моему креслу. На его бледных щеках пылал румянец волнения.

Когда друг опустился на одно колено, обратив сияющий взор на моё лицо, я лишь отчаянно взглянула на него сверху вниз.

— Ребекка, я не хочу утомлять тебя множеством красивых слов. Скажу лишь то, о чём ты могла догадаться уже давно: я люблю тебя. Больше солнца, больше неба, больше жизни своей. Отныне в твоих руках сделать меня счастливейшим человеком на этой земле... или осудить на гибель. — Том взял мою руку в свою. — Я прошу тебя стать моей женой.

Я сидела, глядя в его зелёные глаза. Давно, до боли давно знакомые, известные мне до едва заметных светлых точек вокруг зрачка.

Капкан захлопнулся. Удавка захлестнулась. А мне не остаётся ничего, кроме как затянуть её собственной рукой.

О да, матушка прекрасно знала, что посоветовать. Если наедине с Томом я ещё могла набраться смелости и попросить время на раздумье — здесь и сейчас, под выжидающими взглядами всех, кто иначе не даст мне жизни, я не чувствовала в себе этой смелости.

Я глубоко вдохнула:

— Том...

Требовательный стук дверного молотка заставил меня вздрогнуть.

— Это ещё кто? — почти рывкнула мать.

Не задумываясь о том, что делаю, желая хоть на время ослабить петлю, стягивающую мою шею, я встала, бесцеремонно вырвав свою руку из пальцев Тома, и почти выбежала из комнаты.

— Фоморское¹ отродье! — ругался знакомый голос, отвечая Нэнси, нашей горничной. — Отродясь со мной такого не случалось...

Я изумлённо застыла посреди холла.

¹ Мифические существа, представляющие в ирландской мифологии демонические, тёмные силы хаоса.

— Мистер Форбиден?..

«Корсар» немедленно вскинул голову, обратив на меня разноцветный взор.

— А, мисс Лочестер! Видимо, боги услышали моё пожелание нашего скорого свидания, — усмехнулся он. — Фоморы знают что такое! Не успел я проехать и мили, как мой конь вдруг взбеленился, встал на дыбы и завалился на бок. Когда же он вскочил, то немедленно понёсся по направлению к Хепберн-парку, не дожидаясь, пока я изволю занять своё место в седле. Все мои крики, обращённые к этому неразумному животному, разве что вспугнули мышей в полях. Другой такой чудной ночью я с удовольствием прогулялся бы пешком, но, боюсь, при падении вывихнул ногу. А поскольку до вашего поместья мне куда ближе, чем до собственного... я решил, что не слишком обременю вас просьбой выделить мне угол, где моя нога сможет пробить в покое до утра.

— О чём разговор! — всплеснул руками подоспевший отец. — Нэнси, приготовь комнату мистеру Форбидену! И передай, чтобы его ногу осмотрели.

— Да, сэр. — Девушка подобрала юбку. — Прошу следовать за мной, сэр.

— Прошу прощения за то, что целый вечер докучаю вашему дому своим присутствием.

— Ничего страшного, — заверил его отец. — Мы ведь соседи.

Мистер Форбиден кивнул и, подволакивая левую ногу, направился за горничной.

Я не замедлила последовать за ними.

— Ребекка, куда ты? — воскликнули за моей спиной.

Я понимала, что матушка очень старалась скрыть удивлённую ярость в голосе, но ей это не особо удалось. И меня это не остановило.

— Ужасно болит голова, — как можно убедительнее простила я. — Простите, мне нужно лечь. Спокойной ночи, матушка, отец, Том...

— Прекрасных снов, Ребекка, — неуверенно ответил мой друг.

Не оборачиваясь, я поднималась по лестнице, зная, что за моей спиной происходит оживлённое, полное изумления переглядывание моего семейства с пока ещё несостоявшимся женихом.

В конце концов, Чейнзы должны были приехать только завтра. И я имею полное право провести эту ночь свободным человеком. Хотя бы эту последнюю ночь.

Пусть даже на волосок от брака.

Тупик. Откуда, почему, почему сейчас?!

Я долго бежала в ночи, пытаюсь скрыться от своего преследователя в зелёном лабиринте, но тщетно. Волк гнался за мной по пятам и сейчас, когда я обернулась, уже ждал.

Он был близко. Слишком близко. До этой ночи я считала выражение «горящие глаза» просто фигурой речи, но его глаза, слишком умные для обычного зверя, горели хищным огнём.

Я пятилась, пока не упёрлась спиной в стену, — и тогда волк, торжествующе оскалившись, кинулся вперёд.

Последним, что я увидела, были сияющие разноцветные глаза...

Я села в кровати, задыхаясь, дрожа от липкого холода, ползущего по спине. Вокруг расстилалась тьма моей

комнаты, сквозь открытое окно доносился далёкий волчий вой.

Сон. Это был только сон.

Какое-то время я ещё прислушивалась к звукам ночи. Затем откинулась на подушку, чтобы почти сразу заснуть.

Второе моё пробуждение вышло немногим приятнее первого. Я открыла глаза от дикого вопля, прорезавшего утренний воздух. Вскочив и выглянув в окно, увидела подле крольчатника кричащую Нэнси: девушка явно была на грани обморока.

Я не мешкала, одеваясь и спускаясь вниз, но когда подошла к крольчатнику, другие домочадцы уже толпились вокруг. Нэнси, должно быть, увели; я увидела Бланш, обмякшую на руках у отца, бледное лицо Тома и зеленоватое — матери, однако слишком поздно услышала предостерегающие крики, чтобы не успеть обратить взор на распахнутую прутчатую дверцу.

Дверцу, за которой...

Зрелище заставило меня отшатнуться, судорожно дыша, чтобы справиться с внезапно подступившей тошнотой.

— О боги, — невольно вырвалось у меня. — Разорваны в клочья...

— Кто это сделал? — прошептал Том.

Белизна его щёк спорила с молочным цветом моего платья. Неожиданно: никогда раньше не замечала в друге подобной слабости.

— Волк, — мрачно отозвался отец. — Нэнси говорит, она вставала ночью и слышала вой. Где-то рядом.

— Я тоже, — припомнив своё ночное пробуждение, сказала я.

— Бедная Бланш, — всхлипнула матушка, — она так любила играть с пушистиком...

Однако ни слезинки не роняла, когда их отправляли на кухню, подумала я — и, поражённая неожиданной мыслью, вскинула голову:

— Но как волк открыл дверцу крольчатника?..

— Наверное, её забыли запереть, — предположил отец. Оглядев собравшихся, нахмурился: — Мистер Форбиден ещё спит?

— Он ушёл с рассветом, — подал голос Элиот. — Просил передать, что его ноге гораздо лучше, Нэнси ему компрессы какие-то сделала... Благодарил за гостеприимство. Обещал пожаловать на ужин, но не обещал, что сегодня.

Морщинка меж бровей отца разгладилась.

— Что ж, — молвил он, — хозяин Хепберн-парка будет в нашем доме желанным гостем.

Я вспомнила свой сон, и мурашки пробежались по моей коже — на тёплом майском ветру.

Глава третья,

*в которой повествуется о поцелуе
и других непристойностях*

К обеду начали прибывать гости. К счастью, к тому времени последствия волчьего визита уже успели устранить. Я терпеливо взирала с крыльца, как Джон Лестер рассыпается в любезностях перед Бланш, пока его сестра восторженно щебечет какую-то милую чепуху; как расцеловывается с миссис Лестер матушка; как главы семейств сердечно жмут друг другу руки. Завтра Бланш исполнялось семнадцать, свадьба намечалась через месяц, и все ощущали себя одной большой семьёй.

Когда моё обязательство встречать гостей себя исчерпало, я с облегчением удалилась на задворки сада с книгой. Рэйчел, единственная моя подруга, оставшаяся в Ландэне, прислала мне эту книжную новинку с самыми восторженными рекомендациями, так что роман определённо заслуживал внимания. Впрочем, я долго сидела на скамье, бессильно скользя глазами по первой строке, пытаюсь понять её смысл; мысли мои были далеко.

Новый сосед. Станный сон. Кролики... Хотя наверняка этот сон — простая случайность, навеянная знакомством с мистером Форбиденом и волчьим воем. Что же до дверцы крольчатника, её действительно забыли

запереть, а кролики оказались настолько глупы, что даже не попытались сбежать. Всё просто.

Успокоив себя таким образом, я утопила неясную тревогу в глубинах души и наконец погрузилась в чтение. Впрочем, почитать мне так и не дали: я ещё не закончила первую главу, когда на страницы легла чья-то тень.

— Как твоё самочувствие, Ребекка?

— Более или менее. — Я подняла взгляд, сияясь скрыть досаду. — Как ты, Том?

— Прекрасно. Ещё более — с тех пор, как тебя увидел.

— Том, от твоего высокопарного слога у меня скоро начнётся чесотка.

— Это лишь жалкая попытка выразить мои чувства.

— Мне были куда больше по вкусу чувства мальчишки, с которым мы бегали наперегонки и прыгали в речку с ив.

Том не ответил: как всегда, стоило мне заговорить о былом.

— Что читаешь? — спросил он вместо этого.

Я молча повернула книгу обложкой вверх.

— Каррер Белл? Никогда не слышал о таком авторе.

— Это его первая книга. Надеюсь, будут и последующие.

— Книга так хороша?

— Если ты какое-то время не будешь меня отвлекать, я смогу об этом посудить.

Когда его глаза потемнели, я пожалела о своей резкости.

— Том. — Я поднялась со скамьи, стараясь смягчить свой голос. — Я хотела сказать...

В следующий миг у меня перехватило дыхание, по той причине, что руки его обвили мою талию и эти стальные объятия выбили весь воздух из моей груди.

— Ребекка, ты действительно так жестока? — Глаза Тома оказались так близко, что я могла пересчитать ресницы. — Почему ты пренебрегаешь моими чувствами?

— Том...

— Ты не видишь, как я схожу с ума? Ловлю каждый твой взгляд, слово, улыбку? Как живу и дышу ради тебя? Да, я знаю, что для тебя я остаюсь мальчишкой, с которым можно на пару читать страшные сказки, но я надеялся, что ты повзрослеешь... поймёшь...

Я не узнавала его. Это был не тот милый мальчик, с которым мы вместе играли в детстве, но кто-то, кого я не знала: чужой, страстный, серьёзный, взрослый — только не Том. Его хватка чуть не ломала кости, но пальцы его дрожали. Чужие руки обжигали даже сквозь шёлк платья, горячее дыхание лихорадило мои щёки, и эти глаза... Я вдруг поняла, что заставило их потемнеть.

Расширившийся зрачок, сделавший их чёрными.

— Том, я...

А потом я лишилась возможности сказать хоть слово, потому что его губы — жадные, жёсткие, яростные — прижались к моим губам.

Поцелуй был почти укусом. Яд странного оцепенения пробежался от губ по телу, заставляя забыть о необходимости дышать, моргать, сопротивляться.

Затем я обеими руками толкнула юношу, бывшего моим другом, в грудь, вывернулась из огненных тисков и, отступив на шаг, наотмашь хлестнула его по щеке.

— Да как... — слова застревали в горле, — как ты... смеешь...

Он не попытался снова схватить меня. Не тронул место удара, проступавшее на коже красной отметиной. Просто стоял, опустив руки, молча вглядываясь в моё лицо: со странным отчаянием в чёрной бездне, которой обратились его глаза.

И тогда, задыхаясь, я подобрала юбку и побежала, каждым шагом вторя бешеному ритму молоточков в моих висках.

Я остановилась лишь где-то в полях. Прижала ладони к щекам; пальцы мои показались мне ледяными. Сердце колотилось, мысли путались, всё перед глазами плыло в странной дымке. Потом решилась оглянуться.

Меня никто не преследовал.

Том. Том, мой добрый друг, который никогда меня не предаст, никогда не сделает мне больно... так думала маленькая наивная я. Что ж, этот поцелуй — первый мой поцелуй, украденный, вырванный силой, — сказал мне куда больше, чем могли сообщить любые слова.

Я отняла ладони, уставившись на мокрые пальцы. Яростно растёрла слёзы по щекам. Я плачу? Отчего? Потому что друг — самый старый, самый верный друг — ради сиюминутной прихоти запросто наплевал на мои желания и нашу дружбу?..

Фоморы бы тебя побрали, Томас Чейнз!

— Фоморы бы побрали тебя, — прокричала я вслух, с ненавистью глядя в небо, срываясь на какой-то птичий крик, — и отца твоего, и твоё предложение!

— Полагаю, — знакомый скучающий голос неожиданно раздался прямо за моей спиной, — на сей раз волнение вашей матушки будет сполна искуплено тем, что подобное высказывание в её присутствии точно обеспечило бы ей удар.

Я отпрянула ещё прежде, чем обернулась.

— Мистер Форбиден?! — сорвалось с губ, когда перед глазами ожидаемо предстал новый сосед.

— Меня так трудно узнать?

Он сидел на коне, держась в седле с такой уверенной аристократической выправкой, какой я не видела даже у отца.

— У вас привычка подкрадываться со спины и подслушивать? — сердито осведомилась я.

— Не более чем у вас — сбегать из дому. — Разноцветные глаза смотрели на меня сверху вниз. Прямо, очень внимательно, вызывая смутное желание отвести взгляд; но я не поддалась этому желанию, как не поддаюсь порыву отойти ещё дальше от вороного жеребца, рывшего землю копытом. — Я два раза окликнул вас, но вытянуть вас из мысленного омута не было никакой возможности.

Я ощутила запоздалое смущение. Что я себе позволяю, в конце концов?

— Я... просто...

— Вы дрожите, мисс Лочестер. Думаю, сейчас вам не помешали бы покой, уют и горячий чай. — «Корсар», не моргая, склонил голову набок. — Но поскольку, как я могу предположить, стремления попасть домой у вас нет, осмелюсь пригласить вас в своё скромное жилище.

— Вы... меня... к себе?

— Почему бы и нет? В конце концов, если помните, за вами долг, а пара часов приятного общения с вами способна если не погасить его, то поспособствовать его уменьшению.

Я теребила складки юбки, пытаясь рассуждать здраво, насколько мне позволяла лихорадочная путаница в моём сознании, пытавшемся представить всё происходящее нереально реалистичным сном.

С одной стороны, это было верхом неприличия — отпраиваться одной в дом к незнакомому, в общем-то, мужчине, да к тому же без ведома родителей. Если кто прознает об этом, моей репутации конец. С другой — меньше всего на свете мне сейчас хотелось возвращаться домой, а провести ближайшее время, бродя по полям беспокойным призраком, было не слишком прельщающей перспективой.

С третьей — после того, от чего я сейчас бежала, думать о репутации и приличии...

Меня вдруг взяла злость на весь мир. Если я приму предложение Тома, ему — и мне — сойдут с рук куда худшие вещи, чем поцелуй до свадьбы, и никого не будет волновать, что жених поцеловал будущую невесту против её воли; но простой разговор с женщиной, который годится мне в отцы, навеки поставит на меня клеймо распутницы. Почему? Почему я всю жизнь должна играть по дурацким правилам тех, для кого я — не личность, а лишь ходячая утроба для чьих-то будущих детей, почему каждую минуту должна думать о мнении и желаниях людей, для которых мои собственные желания — пустой звук?

— Грядёт буря. — Будто услышав мои мысли, мистер Форбиден протянул мне руку в чёрной перчатке. — Я на вашем месте не колебался бы.

Его голос оплетал душу змеем-искусителем. Или всему виной разноцветный взгляд?.. Я уже не думала: просто приняла предложенную помощь и вспрыгнула на коня позади него.

В конце концов, может, я действительно просто сплю...

Глава четвёртая,

в которой происходит разумное чаепитие

Хепберн-парк располагался сразу за лесом. Даже не столько за лесом, сколько на его краю. Я всегда считала старинный мрачный особняк, окружённый темно-корыми елями, подходящей декорацией для историй с привидениями; не слишком высокий, почти чёрного камня, он странным образом давил на гостей, вызывая у них желание скорее войти внутрь или уехать восвояси.

Надо сказать, нынешний владелец подходил Хепберн-парку куда больше, чем покинувшая его леди Хепберн. Добродушные морщинистые старушки не особо вписываются в страшные истории.

Нас встретил вначале мальчик-конюший, а затем чопорный лакей, проводивший меня в гостиную и усадивший перед очагом. Каменные стены особняка источали холод; я с наслаждением протянула руки к огню, дожидаясь хозяина дома, который отправился переодеваться. Его слова насчёт бури оказались правдивыми: стоило нам войти в дом, как в окна требовательно застучал ливень.

Мистер Форбиден вернулся ко мне одновременно с лакеем, несшим поднос с чаем. Одно его чёрное одеяние сменилось другим. Странная любовь к краскам ночи и траура...